

причину этого, смехом, интимно-нежной интонацией и уменьшительно-ласкательным обращением восстановила эмоциональный контакт.

Защита эмоционального поля речевого партнера, который является и партнером по браку, от некорректной вербальной или невербальной реакции собеседника во время межличностного взаимодействия представляется одной из важных задач лингвоэкологии супружеской (семейной) коммуникации, а анализ коммуникативных средств ее реализации еще ждет своего исследователя.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
2. Черничкина Е.К. Концепция искусственного билингвизма в теории языка: моногр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
3. Черничкина Е.К. Лингвоэкологический аспект иноязычной научающей коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 294–302.
4. Черничкина О.В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на материале супружеского дискурса): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
5. Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа языкового сознания // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания: сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2003. С. 3–10.

* * *

1. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost, kontseptyi, diskurs. M.: Gnozis, 2004.
2. Chernichkina E.K. Kontseptsiya iskusstvennogo bilingvizma v teorii yazyika: monogr. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2007.
3. Chernichkina E.K. Lingvoekologicheskiy aspekt inoyazyichnoy nauchayushey kommunikatsii // Emotivnaya lingvoekologiya v svoremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr. / nauch. red. prof. V.I. Shahovskiy; отв. red. prof. N.N. Panchenko. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. S. 294–302.
4. Chernichkina O.V. Kommunikativnaya initsiativa v mezhlichnostnom obschenii (na materiale supruzheskogo diskursa): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2013.
5. Shahovskiy V.I. Emotsii – motivatsionnaya osnova yazykovogo soznaniya // Axiologicheskaya lingvistika: problemyi yazykovogo soznaniya: sb. nauch. tr. Volgograd: Kolledzh, 2003. S. 3–10.

Ecology of the marital discourse

There are described the communicative means of the emotional unison support in the marital dialogue as one of the significant issues in the modern theory of linguistic ecology of interpersonal communication.

Key words: marital discourse, emotionality, emotiveness, communication, tonality.

(Статья поступила в редакцию 21.05.2014)

А.А. ГУРЕЕВА
(Волгоград)

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Рассматривается вежливое коммуникативное поведение переводчика как составляющая результативной межъязыковой коммуникации. Предлагается анализ стратегий и тактик коммуникативного поведения профессионального переводчика в конкретной ситуации межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Ключевые слова: вежливость, стратегии и тактики общения, коммуникативное поведение переводчика, межъязыковая интеракция.

Основу успешности профессиональной деятельности современного человека формируют многие факторы. Значимость эффективности коммуникации как одного из составляющих элементов конструктивного делового общения неоспорима. Осуществление профессиональной деятельности на международной арене заставляет обращаться к услугам профессиональных переводчиков, которые выступают непосредственными участниками межкультурной и межъязыковой коммуникации. Участие переводчика как третьей стороны сопряжено с решением традиционных проблем коммуникации в новом формате, и «классические» коммуникативные каноны требуют обновления подходов к их осмыслению.

Определяющим условием успешности любой социально детерминированной межличностной коммуникативной деятельности, как справедливо отмечает С.С. Тахтарова, явля-

ется следование этическим нормам общения, среди которых решающая роль в достижении успеха взаимодействия принадлежит вежливости [12, с. 19]. Несмотря на то, что категория вежливости изучена уже достаточно широко, стратегии реализации вежливости фактически не изучались применительно к профессиональной деятельности переводчика.

Исходя из утверждения Ю. Хабермаса о том, что коммуникативное действие ориентировано на достижение взаимопонимания, нацеленного на согласие и сохранение межличностных отношений [14, с. 198–202], логичным представляется, что переводчик как участник коммуникативного акта должен стремиться к созданию и сохранению среды позитивной результиративной интеракции. Показательным в этой связи является замечание Р. Ратмайр о том, что переводчик, являясь непосредственным участником межъязыкового общения, должен следовать правилам вежливости, т.к. соблюдение правил хорошего тона соотносится с ожидаемым поведением человека в обществе [10, с. 14]. В исследовании Л.В. Кушниковой и М.С. Силантьевой акцентируется внимание на том, что «интерперсональная, интертекстуальная, интердискурсивная коммуникация в условиях перевода характеризуется активной позицией переводчика, влияющего на изменение текста, дискурса» [7, с. 71–75]. Соглашаясь с данным утверждением, отметим, что участие переводчика в акте межъязыковой коммуникации не может не оказывать влияние на дискурс, т.к., согласно утверждению В.И. Карасика, «содержание дискурса соответствует характеристикам ситуации, участников и текста, используемого в общении» [6, с. 358].

Для достижения коммуникативных целей в процессе общения необходимо следовать правилам вежливости. Под вежливостью понимается использование адекватных дискурсивных стратегий, при выборе которых коммуниканты «опираются на социальные и контекстные параметры ситуации общения, оценивая их с точки зрения принятых в их культурном сообществе представлений о приемлемых и неприемлемых формах взаимодействия» [15, с. 29–30].

В данной статье рассматриваются стратегии и тактики, к которым прибегает переводчик при реализации категории вежливости, на примере контекстов, описывающих ситуации межкультурного общения. Контексты подобраны посредством поиска по ключевым лексемам. Лексемы *переводчик* и *переводчица* представлены в текстах Национального кор-

пуса русского языка (НКРЯ) [9]. Лексему *interpreter* содержат тексты Британского национального корпуса (British National Corpus) (BNC) [17] и корпуса современного варианта английского языка (Corpus of Contemporary American English) (COCA) [18].

Основной корпус НКРЯ включает 1720 документов, содержащих лексему *переводчик*, и 317 документов, содержащих лексему *переводчица* (по состоянию корпуса на октябрь 2013 г.). Для определения способов реализации стратегий и тактик, избранных переводчиком в межъязыковой коммуникации, были отобраны контексты, в которых отражены только ситуации устного общения. В связи с этим из 2037 документов корпуса НКРЯ было отобрано 482 фрагмента текстов, отвечающих данному требованию, которые и послужили материалом исследования. Наряду с этим в массиве текстов корпусов COCA и BNC было отобрано 438 контекстов, содержащих ключевую лексему *interpreter*, которые также описывают ситуации устного межъязыкового общения.

Участники общения воспринимают переводчика как активного субъекта коммуникации и акцентируют внимание на его действиях не только непосредственно при переводе, но и при осуществлении им других форм языкового посредничества, выходящих за рамки самого широкого его понимания как процесса перевода: выполнении различных просьб коммуникантов, уточнении информации и т.д. Профессиональная деятельность переводчика подразумевает рефлексирование по поводу своих речевых и неречевых действий при переводе, и стратегическое планирование собственных высказываний для достижения определенной цели является вполне осознаваемой задачей. Развитие коммуникативной ситуации обуславливает необходимость корректировки коммуникативных ходов, которые соотносятся с понятиями стратегии и тактики. Речевая стратегия, понимаемая в самом общем смысле как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 358], включает в себя, таким образом, планирование процесса и результата коммуникации в зависимости от ее конститутивных признаков и реализацию заданного плана.

Приведем пример, показывающий, как тактики вежливого коммуникативного поведения реализуются переводчиком не в ситуации перевода, а при общении с русскоязычными коммуникантами на их родном языке:

<...> в большом комфортабельном номере отеля «Цзинь Цзян» я проснулся с противным сухим кашлем и прескверным само-

чувствием, сразу сообразив, что вчерашний бодрый ветерок на крыше отеля «Шанхай», куда мы поднимались, чтобы полюбоваться панорамой города, не пошел мне на пользу. Знобило, побаливала голова, а главное, не хотелось вставать с постели и отправляться на запланированное посещение пригородной сельской коммуны. Однако ровно в 9 часов утра появился наш симпатичный и жизнерадостный переводчик с напоминанием о программе сегодняшнего дня.

– Дорогой Пу Вейчин, – сказал я. – Что-то я неважно себя чувствую. Может быть, лучше мне не выходить на улицу, а посидеть в номере? А как вы считаете, Валентин Гаврилович? – обратился я к Литвиненко. – Как бы, знаете, здесь не разболеться.

Литвиненко посмотрел на меня растерянно. <...>

– Пу-тунджи, – обратился я к переводчику, – а можно сделать так, чтобы мы побыли в колхозе недолго, часика два, посмотрели работы художников и к двум часам вернулись обратно? Я приму какие-нибудь таблетки и завтра буду здоров.

– О, да-да, – ослепительно улыбаясь, ответил Пу Вейчин, – очень хорошо! Все будет согласно вашему желанию.

Последние слова меня немного настрожили, так как я уже не раз имел возможность заметить, что фраза «все будет согласно вашему желанию» практически реализуется только тогда, когда «ваше желание» совпадает с планами любезных хозяев <...> (Б. Ефимов. Десять десятилетий, 2000) [9].

Переводчик в своем утвердительном ответе на вопрос-просьбу русского гостя использует наречие *очень* в позиции по отношению к наречию *хорошо*, усиливая тем самым его положительное оценочное значение. Такой ответ весьма убедителен, и, исходя из контекста, можно предположить, что переводчик, прогнозируя вероятную невозможность выполнить просьбу русского гостя, сопровождает свою речь ослепительной улыбкой, интенсифицируя демонстрацию вежливого уважительного отношения к гостю. Выбор таких тактик коммуникативного поведения, реализуемых посредством как вербальных, так и невербальных средств общения, не случаен, он определяется стратегической задачей переводчика. Переводчик прибегает к стратегии сглаживания противоречий, выбор которой определен его прогнозом о реальном исходе коммуникации, который в большей степени зависит от планов китайской стороны, а не от желаний русского гостя.

При рассмотрении тактик общения, которые выбрал китайский переводчик в данной ситуации общения, необходимо также обратить внимание на обусловленность его коммуникативного поведения ритуальными речевыми тактиками, обладающими национально-культурной спецификой. В китайской лингвокультуре большое значение имеет понятие «внутренних» и «внешних» социальных отношений. «Внешние» отношения возникают между посторонними или малознакомыми людьми в ситуациях временного контакта. «Внутренние» существуют между людьми, связанными родственными или дружескими связями, учебой, работой и т.д. Специфика китайской лингвокультуры, как отмечает И.Г. Жуламанова, заключается в более высокой степени вежливости в общении с людьми, с которыми коммуниканта связывают «внутренние», а не «внешние» отношения [2]. В приведенном примере переводчик выбирает высокую степень вежливости, несмотря на «внешний» характер отношений с русским гостем. Он совершает действие по сглаживанию заранее прогнозируемого конфликта между желанием гостя и реальным результатом и таким образом эффективно реализует стратегию сглаживания противоречий.

Известно, что определенному типу дискурса соответствуют конкретные коммуникативные ориентиры, обусловленные жанровоситуативными характеристиками общения. Совокупность принятых в обществе ориентиров общения формируют коммуникативные нормы, которые в определенном типе дискурса реализуют важнейшую прагмалингвистическую характеристику общения – тональность [5, с. 43–46]. Обусловленность тональности дискурса позициями его участников требует от переводчика верного декодирования избранных актантами тональностей, представляющих, по определению В.И. Карасика, «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [6, с. 304]. Определение тональности коммуникативного акта является одним из главных критериев достижения максимальной адекватности перевода и высокой эффективности коммуникации. Общая тональность межъязыкового общения определяется линиями коммуникативного поведения, которые выбирают участники интеракции. Коммуниканты придерживаются этих линий на протяжении всей коммуникации или изменяют их, ориентируясь на развитие межъязыкового диалога. Со-

ответственно, задача переводчика как активного субъекта межкультурной коммуникации заключается в верном определении тональности интеракции и выборе соответствующей линии коммуникативного поведения.

Речевые акты, имеющие отношение к категории вежливости, как было отмечено выше, могут быть реализованы вербально и невербально. Невербальное поведение переводчика является важной составляющей его профессионального речевого портрета. В практике переводчика бывают случаи, когда возникает необходимость в интерпретировании мимики, жестов, телодвижений коммуникантов. Рассмотрим пример, демонстрирующий осуществление перевода в межкультурной коммуникации, когда коммуниканты пользуются невербальными средствами общения:

Люди с орденами и без орденов почти-тельно, тесной группой, тоже шли сзади странного посетителя.

Плывущей своей походкой этот важный человек переходил из одного здания в другое, каменное лицо его было неподвижно, только чуть-чуть вздрагивали широкие ноздри монгольского носа, и сокращалась брезгливая губа, но ее движение было заметно лишь потому, что щетинились серые волосы в углах рта.

– Ли Хунг-чанг, – шептали люди друг другу. – Ли Хунг-чанг.

И, почтительно кланяясь, отскакивали.

<...> На людей знаменитый человек Китая не смотрел, вещи он оглядывал на ходу и, лишь перед некоторыми останавливаясь на секунды, на минуту, раздувал ноздри, шевелил усами. <...> Генерал Фабрициус, расправив запорожские усы, выступил вперед высокого гостя и жестом военачальника указал ему на навильон царя.

Ли Хунг-чанг остановился. Китаец-переводчик начал суетливо вертеться, кланяться и шептать что-то, разводя руками, улыбаясь. <...> Генерал Фабрициус пошел сзади Ли Хунг-чанга, тоже покраснев и держа себя за усы.

В навильоне Алтая Ли Хунг-чанг остановился перед витриной цветных камней, пошевелил усами, – переводчик тотчас же попросил открыть витрину. А когда подняли ее тяжелое стекло, старый китаец не торопясь освободил из рукава руку, рукав как будто сам, своею силой, взъехал к локтю, тонкие, когтистые пальцы старческой, железной руки опустили в витрину, сковырнули с белой пластинки мрамора большой кристалл изумруда, гордость навильона, Ли Хунг-чанг

поднял камень на уровень своего глаза, перенес его к другому и, чуть заметно кивнув головой, спрятал руку с камнем в рукав.

– Он его берет себе, – любезно улыбаясь, объяснил переводчик этот жест (М. Горький. Жизнь Клим Самгина. Ч. 1, 1925) [9].

Данный пример примечателен тем, что задача переводчика заключается в осуществлении перевода не в его классическом понимании (как передачи смысла текста, созданного на одном языке, языковыми средствами языка перевода), а в интерпретировании невербальных средств коммуникации, к которым прибегает один из участников межкультурного общения для выражения собственных мыслей. Отметим, что переводчик при передаче на язык перевода жестов и мимики Ли Хунг-чанга использует как языковые средства общения, так и невербальные компоненты коммуникации. Обратим внимание, что шевеление усами может быть интерпретировано участниками экскурсии совершенно по-разному, и переводчик, имея определенные знания о манере поведения Ли Хунг-Чанга, незамедлительно передает смысл его мимики языковыми средствами – просит открыть витрину. Следующий жест Ли Хунг-чанга, когда он кладет драгоценный камень себе в карман, не нуждается в дополнительном интерпретировании, несмотря на это переводчик все же принимает решение озвучить его желание забрать изумруд себе. Переводчик, стараясь сохранить среду позитивного общения, любезно улыбается, когда объясняет этот жест китайского гостя. Чрезмерно вежливое, в некоторых случаях суетливое поведение китайского переводчика, поклоны и улыбки обусловлены как его национально-культурной спецификой, так и общей тональностью коммуникации. Отметим, что сегодня столь почтительное отношение переводчика может казаться несколько неуместным и отчасти странным, что объясняется тем, что значение роли переводчика со временем изменилось, и профессиональная деятельность современного переводчика требует от него как от активного участника межкультурного диалога вежливого, но не подобоострастного отношения.

Большое значение для определения того, соблюдает ли переводчик при выполнении своих профессиональных обязанностей правила вежливости, имеет то, как воспринимают переводчика коммуниканты. Приведем примеры:

1) *At first, communication was something of a problem for the couple, as neither of them could speak the others native tongue, but this was soon overcome by a friendly interpreter <...> (HRT*

Several editions of Link – the house journal of the Pauls group., u.p.,n.d., 3003 s-units, 47291 words) [17] – <...> *Сначала паре было немного сложно общаться, потому что никто не говорил на родном языке друг друга, но вскоре эта проблема разрешилась благодаря дружескому переводчику <...>**;

2) *Но ни обер-лейтенанта Дица, ни состоявшего при нем вежливого переводчика, ни одного из кинооператоров он не нашел <...>* (Ю. Герман. Дорогой мой человек, 1961) [9];

3) <...> *at a Paris restaurant near Invalides, the waiter spoke to a thorough and polite interpreter for several minutes, then put down the phone and asked us in English <...> – <...> в парижском ресторане недалеко от Дома инвалидов, официант несколько минут разговаривал с скрупулезным и вежливым переводчиком, затем положил телефон и спросил нас по-английски <...>* (The Wall Street Journal, 2008) [18].

Описание коммуникации в приведенных примерах сопровождается краткой характеристикой переводчика с использованием русских и английских прилагательных с положительными оценочными значениями *симпатичный, жизнерадостный, вежливый, скрупулезный, polite, friendly*. Стереотипное представление о вежливом и корректном поведении переводчика находит подтверждение в этих характеристиках. Переводчик как активный участник межъязыкового общения заинтересован в положительной оценке собственных действий коммуникантами. Стремление быть или казаться приветливым, вежливым, дружелюбным определяет стратегии и тактики поведения переводчика при осуществлении языкового посредничества. В связи с этим широко известное в переводческой среде высказывание американского исследователя Р. Джоунса о том, что «переводчик является лишь средством коммуникации» [16, с. 37], так сказать, «невидимкой», не избавляет профессионального переводчика от необходимости выполнять социально-предписанные формы этикетного поведения, реализовывать «стандарт вежливой формы» [8, с. 104], т.к. переводчик, несмотря на «незаметность» своей деятельности, принимает активное участие в межкультурной коммуникации.

Соблюдение правил коммуникативного этикета является залогом достижения результативной коммуникации, и нарушение какого-либо из его компонентов может привести к негативному эффекту. Коммуникативный этикет

представляет собой сложное и многоаспектное явление. Среди составляющих элементов коммуникативного этикета Р.А. Газизов выделяет, наряду с этикетом поведения, следующие: социально предписанную форму этикетной внешности, или этикет внешнего вида; вербальный коммуникативный, или речевой, этикет и невербальный коммуникативный этикет [1, с. 31–39]. Рассмотрим на примере фрагментов текстов корпусов НКРЯ, СОСА и ВНС, каким образом стратегии и тактики вежливого коммуникативного поведения, избранные переводчиком, реализуются в каждом компоненте коммуникативного этикета.

Этикет внешнего вида, по определению И.А. Стернина, представляет собой «принятые в обществе требования к внешнему виду членов общества, признаваемые образцовыми для тех или иных ситуаций» [11, с. 23], поэтому внешний вид переводчика должен соответствовать ситуации межъязыковой интеракции. Переводчик проявляет вежливое отношение к участникам интеракции, следуя социально предписанным формам этикетной внешности.

Приведем пример, демонстрирующий одно из сложившихся стереотипных представлений о внешнем виде профессионального переводчика, которое основывается на обязательности строгого делового костюма:

– *Чем вам запомнился вагон Ким Чен Ира?*

– *Меня в него пригласили примерно через час после того, как поезд ушел из Питера. Вагон, как и многие другие другие спецвагоны. Чисто, уютно, продуманно. Посередине – большой стол из красного дерева. Рядом – из такой же фактуры кресла. Уже не помню – шесть или восемь было. Еще несколько кожаных диванов. Телефоны. Дорожки. Охрана у дверей.*

– *Телевизор был?*

– *Не припомню я...*

– *Кто именно вас пригласил?*

– *Пришел аккуратный молодой человек в черном костюме, думаю, что переводчик, и сказал, что Ким Чен Ир приглашает меня на обед. Я мигом собрался, привел себя в порядок – и вперед. Захожу. Обнялись. Пригласил к столу <...>* (Комс. правда. 2001. 9 авг.) [9].

В приведенном фрагменте интервью военному обозревателю газеты «Комсомольская правда» В. Баранцу бывший министр обороны Советского Союза маршал Д. Язов вспоминает о встрече с главой КНДР Ким Чен Иром. Ответ маршала на вопрос о том, кто пригласил его в вагон Ким Чен Ира, дает понять, что он не был знаком с этим человеком и может только предполагать, что это был перевод-

* Здесь и далее перевод наш.

чик. Род деятельности министра обороны подразумевает общение с представителями органов власти других государств, которое во многих случаях опосредованно переводом. Логично предположить, что министр обороны, имея определенный стереотип относительно внешнего вида переводчика, работающего с высокопоставленными официальными лицами, полагает, что человек в черном деловом костюме, приглашающий его к Ким Чен Иру, может быть именно переводчиком.

Вербальный коммуникативный, или речевой, этикет, представляет собой выработанные обществом правила речевого поведения, устойчиво закрепленные в речевых формулах [1, с. 24]. Н.И. Формановская определяет речевой этикет как широкую зону языка и речи, «которая словесно выражает этикет поведения, дает нам в руки те языковые богатства, которые накопились в каждом обществе для выражения неконфликтного, “нормального” отношения к людям, а это значит отношения “доброжелательного” [13, с. 47]. Выбор той или иной тактики поведения определяется конкретной ситуацией перевода, при этом, как отмечает В.И. Карасик, ритуализованные речевые тактики менее зависимы, чем неритуализованные [4]. Рассмотрим пример, в котором переводчик использует ритуализованную тактику извинения:

Только что мы вышли на берег, подошел к нам переводчик, извинился, что мы должны поместиться очень неудобно, так как специальные помещения не приготовлены; спросил меня, могу ли я пройти пешком минут пять, на что я ответил: «Могу, но не скоро» (Г. Ивков. О том, как жилось мне в плену, 1905) [9].

В данном примере переводчик применяет тактику извинения. Он сопровождает извинение объяснением (*должны поместиться очень неудобно*) и истолкованием причины неудобства (*специальные помещения не приготовлены*) и только после извинения излагает цель своего обращения к адресату (*спросил меня, могу ли я пройти пешком минут пять*). Такая последовательность действий позволила ему подготовить адресата к просьбе и предупредить его возможное недовольство сложившейся ситуацией. Переводчик, применив тактику извинения, реализует стратегию сотрудничества, которая является наиболее конструктивной в конфликтных ситуациях, т.к. направлена на поиск решения, удовлетворяющего интересы обеих сторон. Стратегия сотрудничества требует больших усилий, чем другие стратегии, поскольку подразумевает более деталь-

ное осознание и экспликацию причин, потребностей и интересов. Переводчик, использующий данную стратегию, выступает как активное лицо, заинтересованное в улаживании возможных противоречий между коммуникантами. Рассматриваемая ситуация общения выходит за рамки перевода, и переводчик выступает непосредственно как адресант, соответственно, именно от его выбора стратегии поведения зависит исход коммуникации. Использование ритуализованной тактики извинения, продиктованной данной ситуацией общения, как может казаться на первый взгляд, является вполне естественным и логичным решением, не требующим дополнительных действий со стороны переводчика. Однако благодаря использованию тактики максимальной экспликации переводчику удается эффективно реализовать избранную им стратегию сотрудничества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стратегии и тактики коммуникативного поведения, сопряженные с вежливостью, которые выбирает переводчик, служат для достижения оптимального решения его коммуникативных задач, обусловленных ситуацией перевода, тональностью общения, характеристиками коммуникантов и их задачами. Планирование ситуации перевода или общения с коммуникантами на их родном языке вне перевода позволяет выбирать те тактики общения, использование которых является наиболее эффективным для реализации стратегии, избранной переводчиком в конкретной ситуации общения. Специфика реализации категории вежливости профессиональным переводчиком заключается в ее двунаправленном характере: следовании этическим нормам общения, подразумевающим исполнение всех компонентов коммуникативного этикета (социально предписанную форму этикетной внешности, вербальный и невербальный коммуникативный этикет), и верной интерпретации и передаче вежливого коммуникативного поведения интерактантов при переводе.

Литература

1. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в речевом общении немцев и русских : моногр. Уфа : РИЦ БашГУ, 2009.
2. Жуламанова И.Г. Кросс-культурные теории вежливости и стратегии речевого поведения // Изучение китайского языка. М. : Муравей, 2003. С. 73–83.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студ., обучающихся по спец. «Связи с общественностью». М. : Флинта: Наука, 2009.

4. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 157–170.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. Волгоград : Парадигма, 2012.
7. Кушникова Л.В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 7–71.
8. Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия : моногр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ruscorpora.ru/>.
10. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М. : Яз. слав. культуры, 2003.
11. Стернин И.А. Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : РИО КГПУ, 2003. С. 63–102.
12. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009.
13. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М. : Высш. шк., 1989.
14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000.
15. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж. : ВГУ, 2002.
16. Jones R. Conference Interpreting Explained. UK, Manchester: St. Jerome Publishing, 2002.
17. The British National Corpus [Electronic resource]. URL : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
18. The Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca>.
19. Karasik V.I. Yazyikovaya matritsa kulturyi. Volgograd : Paradigma, 2012.
20. Kushnina L.V. Yazyikovaya lichnost perevodchika v svete kontseptsii perevodcheskogo prostanstva // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2010. Vyip. 6 (12). S. 7–71.
21. Mityagina V.A. Sotsiokulturnye harakteristiki kommunikativnogo deystviya : monogr. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2007.
22. Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika [Elektronnyiy resurs]. URL : <http://www.ruscorpora.ru>.
23. Ratmayr R. Pragmatika izviniyeniya: Sravnitelnoe issledovanie na materiale russkogo yazyika i russkoy kulturyi / per. s nem. E. Aralovoy. M. : Yaz. slav. kulturyi, 2003.
24. Sternin I.A. Russkoe i nemetskoe kommunikativnoe povedenie i problema mezhkulturnoy kommunikatsii // Mezhkulturnaya kommunikatsiya: paradigmy issledovaniya i prepodavaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krasnoyarsk : RIO KGPU, 2003. S. 63–102.
25. Tahtarova S.S. Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyiy i etnokulturnyy aspektiy) : monogr. / nauch. red. V.I. Shahovskiy; Volgogr. gos. un-t. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2009.
26. Formanovskaya N.I. Rechevoy etiket i kultura obscheniya. M. : Vyissh. shk., 1989.
27. Habermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie. SPb. : Nauka, 2000.
28. Tsurikova L.V. Problema estestvennosti diskursa v mezhkulturnoy kommunikatsii. Voronezh. : VGU, 2002.
29. Jones R. Conference Interpreting Explained. UK, Manchester: St. Jerome Publishing, 2002.
30. The British National Corpus [Electronic resource]. URL : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
31. The Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca>.

* * *

1. Gazizov R.A. Kommunikativnaya kategoriya vezhlivosti v rechevom obschenii nemtsev i russkikh : monogr. Ufa : RITs BashGU, 2009.
2. Zhulamanova I.G. Kross-kulturnyye teorii vezhlivosti i strategii rechevogo povedeniya // Izuchenie kitayskogo yazyika. M. : Muravey, 2003. S. 73–83.
3. Issers O.S. Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya stud., obuchayuschihsya po spets. «Svyazi s obschestvennostyu». M. : Flinta: Nauka, 2009.
4. Karasik V.I. Ritualnyiy diskurs // Zhanryi rechi : sb. nauch. st. Saratov : Kolledzh, 2002. Vyip. 3. S. 157–170.
5. Karasik V.I. Yazyikovyye klyuchi. M. : Gnozis, 2009.

Politeness as the factor of interpreter's communicative behavior

There is considered interpreter's polite communicative behavior as a component of effective interlanguage communication. There is suggested the analysis of strategies and tactics of communicative behavior of a professional interpreter in a particular situation of intercultural and interlanguage communication.

Key words: *politeness, strategies and tactics of communication, interpreter's communicative behavior, interlanguage interaction.*

(Статья поступила в редакцию 20.12.2013)